

с. 2-3

ленію, лордъ В., на другой же день послѣ
обѣда, уѣхалъ въ Италію. Тѣмъ все и кон-
чилось.

И М Б—ль.

ВОПРОСЫ ДНЯ. Задачи художественнаго театра.

Наша задача: все брать
отъ жизни, какъ можно
больше отъ жизни...

Вмѣд. Ив. Немировичъ-Данченко.

— Итакъ, постойте вы съ вашимъ театромъ
къ намъ на гастроли?—обратился я съ вопро-
сомъ къ пріѣхавшему третьяго дня изъ
Москвы одному изъ директоровъ московскаго
художественнаго театра, Влад. Ив. Немировичу-
Данченко.

— Да, на гастроли, если найду подходящій
театръ. Я еще не остановился ни на одномъ.
Одни совѣтуютъ Панаевскій, другіе—Неметти,
наконецъ, третьи—залъ консерваторіи... Еще
не знаю, на чемъ рѣшу и какой свободѣ.
Если невозможно будетъ взять Панаевскій,
придется, кажется, остановиться на театрѣ Не-
метти.

— Много привезете пьесъ?

— Пять, много—шесть. Мы дадимъ Чехов-
скихъ „Чайку“ и „Дядю Ваню“, Гауптмана—
„Возчика Генделя“ и „Одинокихъ“ и, вѣро-
ятно, „Двѣнадцатую ночь“, Шекспира.

— А „Царя Теодора“?

— При всемъ желаніи, взять это невоз-
можно будетъ, потому что ужъ очень громоздка
эта пьеса—для нея одной пришлось бы везти
сюда сто человѣкъ... Мы и такъ пріѣдемъ со
своими декораціями, рабочими, бутафоріей, аксес-
суарами, въ общемъ человѣкъ пятьдесятъ...

— Какую пьесу вы считаете „боевой“?

— Разумѣется, прежде всего, Чеховскаго
„Дядю Ваню“. У насъ она идетъ превосходно.
Соню играетъ г-жа Станиславская, по-моему,
замѣчательная ingénue, по простотѣ и искрен-
ности тона. Дядю Ваню—Вишневскій, докторъ—
Станиславскій.

— Чѣмъ вы достигнете такого ансамбля?
Мнѣ пришлось видѣть у васъ въ Москвѣ
именно „Дядю Ваню“, и пьеса вызвала во мнѣ
совершенно особенное настроеніе...

— Вотъ вы сказали именно то слово, ко-
торое я хотѣлъ только что сказать—„настрое-
ніе“. Да, именно, настроеніе должна вызы-
вать пьеса, имѣющая художественное значеніе, и
только то, въ которомъ писалъ ее авторъ. Вызвать
это настроеніе, этотъ тонъ, этотъ колоритъ,—
это-то и есть одна изъ главныхъ задачъ ху-
дожественнаго театра. Если авторъ изобразилъ
дѣйствіе въ деревнѣ, то нужно, чтобы зритель ви-
дѣлъ, что дѣйствіе происходитъ, дѣйствитель-

№ 238 — 1899

но, въ деревнѣ, а не въ городѣ, что дѣй-
ствующія лица садятся, ходятъ, говорятъ, имен-
но, какъ люди, привыкшіе къ деревнѣ, а не
къ городу.

— Вотъ вы сказали—необходимо, чтобы
дѣйствующія лица ходили или садились, какъ
люди, привыкшіе къ свободнымъ деревенскимъ
манерамъ. Но какъ же вы этого достигаете?
Вчера артистъ игралъ „костюмную“ роль, а
сегодня ему нужно выказывать деревенскія ма-
неры!

— Въ этомъ-то и состоитъ разносторон-
ность и обширность таланта артиста. Но ес-
ли этого нельзя достигнуть, то достаточно
иногда просто устранить какое-либо неподхо-
дящее къ общему тону движеніе, для того,
чтобы оно не рѣзало глаза, и получится же-
лаемое настроеніе, тотъ именно колоритъ, къ
которому стремились. Но пока его добьешься,
пока достигнешь! Оттого-то мы въ сезонѣ
даемъ всего пять, много шесть пьесъ! Прежде,
чѣмъ начать репетиціи, мы читаемъ пьесу, на-
бираемся, такъ сказать, настроенія, присматри-
ваемся къ каждому шагу, и всѣ усилія, всѣ
старанія наши направлены къ тому, чтобы
быть какъ можно ближе къ жизни. Наша за-
дача: все брать отъ жизни, какъ можно боль-
ше отъ жизни...

Вотъ, напримѣръ, вы сидите и слушаете.
Вотъ какъ разъ естественная поза! Актеръ,
играющій „по традиціи“, такъ не сидитъ, а
непрестанно шаблонно. А почему жетакъ не сидѣть?
Вѣдь это вполне естественно! Или вотъ, говоря
съ вами, я беру свѣчу закурить пагиросу, но
не пользуюсь ею сейчасъ же, а держу въ ру-
кахъ еще немного. Отчего же такія же произво-
вольныя, но естественныя движенія не внести
на сцену? Развѣ задачи ея—не отождествлять
жизнь?

Во второкъ дѣйствіи „Одинокихъ“ Гауптма-
на есть замѣчательная сцена завтрака. Слѣ-
дую традиціи и рутинѣ, надобно ту часть
стола, которая къ публикѣ, оставлять незаня-
той. Развѣ это естественно?! Мы садимъ на
эти мѣста тѣхъ дѣйствующихъ лицъ, у ко-
торыхъ всего меньше словъ. Потому, когда
кому либо изъ завтракающихъ нужно сказать
свою реплику, онъ встаетъ, чтобы достать ка-
кое-либо блюдо, и говорить свое, причемъ лицо
его видно. Или вотъ другое явленіе за тѣмъ
же завтракомъ: къ пьесѣ одно изъ дѣйству-
ющихъ лицъ восклицаетъ: „Ахъ, оса!“ По-
томъ ремарка: „Оса улеглась“. Но вѣдь если
такъ сыграть, это же выйдетъ полнѣнз!
Тогда къ чему было бы автору вводить эту

осу! Взялъ бы ее и вычеркнулъ! А между тем это цѣлая живая сцена! Правда, поставить ее стоитъ много труда и изобрѣтательности, каждому дѣйствующему лицу нужно имѣть свое собственное движеніе. Въ общемъ же, выходящая живая, прямо изъ жизни вывѣренная сцена! Мы стараемся уловить данное авторомъ настроеніе—я не подыщу другого подходящаго слова—сколь возможно, я передаю его зрителю. Для достиженія этой цѣли, мы не жалѣемъ ничего и готовы на всякія жертвы. Готовя „Геншеля“, Станиславскій побѣдилъ въ Шлезію, присмотрѣлся къ тѣмъ, къ обстановкамъ, привезъ костюмы, аксесуары. У одной Ганны, напримѣръ, въ этой пьесѣ до 70 различныхъ аксесуаровъ... Передъ постановкой „Отеодора Ивановича“, онъ же сдѣлалъ съ режиссеромъ и художникомъ въ Ростовѣ и Угличѣ и пробылъ тамъ больше мѣсяца, привезъ старинные кокошники, расушки и т. д. Вы не можете себѣ представить, какое огромное значеніе и влияніе кажущаяся съ виду мелочь имѣетъ даже на исполненіе артиста. Вотъ, напримѣръ, ставили мы „Трактиръ“ Гольдони. Видимъ: что-то, какъ-будто, тяготитъ артистку, исполнявшую эту роль, точно ей не по себѣ. И что же? Мы испробовали много измѣнить костюмъ; она надѣла вместо ботинокъ туфли, и все точно сразу измѣнилось... Понѣрьте, малѣйшій пустякъ имѣетъ значеніе и долженъ способствовать настроенію... Затѣмъ еще имѣетъ значеніе темпъ. На это советамъ не обращать вниманія. А между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ сценахъ просто необходимо иногда ускорить темпъ и потомъ, наоборотъ, замедлить—ну, советамъ, какъ въ музыкальных пьесахъ! Развѣ возмѣж не та же музыка, а художественное произведеніе, написанное для театра—не поэзія!

Развѣ Чеховъ не поэтъ! Я вотъ его считаю теперь первымъ поэтомъ въ Россіи, и потому, какъ же не стараться передать въ изображеніи его пьесъ присущаго имъ настроенія! Къ этому мы стремимся, и въ этомъ состоятъ та „новая нота“, которую мы заставили прозвучать въ Москвѣ и хотимъ дать прозвучать у васъ, въ Петербургѣ. У меня это накопилось за время моей преподавательской дѣятельности въ московской „Филармоніи“, у Станиславскаго—за все время дѣятельности общества любителей литературы, во главѣ котораго онъ стоялъ. Не найдя отклика въ московскомъ Маломъ театрѣ, я сошелся съ Станиславскимъ, такъ какъ мы убѣдились, что стремимся мы къ одной цѣли... И, вотъ, мы попробовали начать свои театры, оставя въ сторонѣ матеріальныя выгоды. Только любя дѣло прежде всего, любя искусство для искусства—можно ему служить. Много у насъ есть противниковъ, не скрою... Вотъ, недавно подхватили слова, сказанныя теперешнимъ директоромъ Императорскихъ театровъ княземъ Волконскимъ относительно исполненія Мольера, гдѣ онъ указываетъ, что нужно его играть, согласно традиціямъ „Мольеровскаго дома“, т. е. Comédie française! Но вѣдь съ этимъ нельзя согласиться! Для

чего намъ традиція этого театра, для чего публикѣ видѣть, какъ играли пьесы Мольера въ Comédie française въ его время! Бѣда это имѣетъ развѣ только историко-анекдотическій интересъ. Пьеса Мольера должна отражать французское общество того времени, и потому играть ее слѣдуетъ только такъ, какъ жили въ его время. Точно также и пьесы Шекспира. Шекспиръ, по моему, такой же бытовой писатель, какъ Островскій, и пьесы его, его историческія хроники, нужно играть, соображаясь съ духомъ того времени, а не такъ, какъ ихъ играли въ его время. Въ наше время, когда техника дѣлаетъ такіе успѣхи, когда успѣхи ея примѣняются на каждомъ шагѣ въ театрѣ, смѣшно было бы, паряду съ этимъ, останавливать игру, изображеніе артистовъ въ примитивномъ фазисѣ. Жизнь, жизни больше, какъ можно больше, и для реальности изображенія ни передъ чѣмъ не останавливаться! Мы, напримѣръ, у насъ уничтожили раму, находя, что совершенно неестественно, чтобы ноги были освѣщены больше лица...

Да, такъ вотъ видите, въ чемъ наша задача и какова эта наша „новая нота“!..

— Намѣтили ли вы уже репертуаръ будущаго года?

— Приблизительно: пойдетъ пьеса Чехова—какая, еще не знаемъ и названія,—затѣмъ моя пьеса, Гиборыкина „Накипь“,—это вопросъ рѣшанный. „Дмитрій Самозванецъ“ и Гауптмановская новая. Какъ видите, не много, но, повѣрьте, и съ ними хватить работы. У насъ годъ отъ марта до марта, играетъ же отъ сентября по мартъ, остальное время готовимся.

Моя мечта—поставить Тургенева „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, и, надѣюсь, удастся. Я считаю пьесу эту чрезвычайно сценичною. Но, *conditio sine qua non*—дать ее такъ, чтобы она дала зрителю именно то мягкое тургеневское настроеніе и перенесла бы его въ 50-е года. Для этого, разумеется, необходима вѣрная обстановка и костюмы того времени—и широкія платья съ длинными талиями, и доконы, и все такое. Поставьте ее такъ, и, я утѣренъ, пьеса произведетъ громадное впечатлѣніе... Мы это попробуемъ...

Н. Лордъ.

Болѣзнь Д. В. Григоровича.

Въ добавленіе къ нашему вчерашнему сообщенію о болѣзни извѣстнаго русскаго писателя, председателя дирекціи императорскихъ театровъ д. ст. сов. Д. В. Григоровича, сообщаемъ дальнѣйшія свѣдѣнія, являющіяся изъ официального бюллетеня, отъ 21-го декабря:

„19-го декабря, въ 8 час. вѣч., произошло кровоизліяніе въ мозгъ, съ потерей сознанія и параличомъ лѣвой половины тѣла. Вскорѣ наступилъ и упадокъ дѣятельности сердца.“

20-го декабря мозговые явленія прогрессировали и къ вечеру общее состояніе ухудшилось.

21-го декабря наступила реакція, съ нѣ-

пр
Но
шл
По
ко

ро
бс